

Документальная повесть, которую редакция начинает публиковать с сегодняшнего номера, посвящена деятельности на территории района в годы войны патриотической антифашистской группы, возглавлявшейся коммунистом Павлом Афанасьевичем Васькиным. Фамилии и имена основных участников подполья не вымышлены. Сохранена и последовательность действий.

Поиск следов боевой деятельности антифашистов продолжается. Редакция просит читателей сообщать известные им новые данные о патриотах.

1. ДОЛГОЖДАННЫЙ ГОСТЬ

Июльская ночь была необычайно холодна и верена. Притаившаяся на возвышенности деревушка мокла под дождем уже несколько часов. При вспышках молнии было видно, как с темных окон домов стекают тонкие струйки дождя и, казалось, дома молча плачут о чем-то горькими и неудержимыми слезами.

Монотонный шум дождя не нарушали никакие посторонние звуки. И только очень чуткое ухо могло уловить в этом шуме чавканье раскисшей земли под осторожно ступавшими ногами неожиданного в этой сонной деревне путника. Да же обычно злобные долгинские собаки молчали. Они или не услышали шагов, или просто не хотели в такую погоду вылезать из своих теплых конур лишь только для того, чтобы обляять позднего пешехода. В одном только месте какая-то, видимо, уж очень ретивая служачка лениво таянула два раза, но, убедившись,

Повесть

ВЕЧНО ЖИВЫЕ

одному из домов и легко ступнул несколько раз в окно.

В коридоре под чьими-то тяжелыми шагами скрипнули половицы и сердитый голос произнес:

— Кто там?

— «Орел», — последовал тихий ответ.

Брякнула щеколда, и ночной гость быстро вошел в приоткрытую дверь.

Услышав, что хозяин зашуршал спичками, гость сказал:

— Огня лучше не зажигайте, товарищ...

— Еремеев, — подсказал хозяин.

— Так вот товарищ... Василий Еремеев, — продолжал гость, — огня нам не надо, — по деревне патрули рыщут. А поговорить мы можем и в темноте. Скажите, кто из членов подпольной организации живет от вас неподалеку?

— Немков Сама, дальше Александр Иванович Иванов — учитель наш...

— Идемте к Немкову и там поговорим обо всем подробно.

Немков обрадовался встрече необычайно. Он зажег самодельный ночник и, сопровождая гостей в подвал, не совсем связанно, скороговоркой сообщал об обстановке в деревне, о зверствах немцев в округе.

— Черт побери, я очень рад, что вы, наконец, прибыли, а то мы сидим

здесь, как дохлые мыши, когда на фронте наши дадут по морде этой фашистской сволочи. А тут еще нашлось недобитое кулачье, которое хлебосольно немцев встречает. Попробовал к партизанам податься, но мне оттуда оглобли повернули, сказали, чтоб сидел дома и ждал своего часа.

— Кстати, как вас звать-величать? — неожиданно обратился он к гостю, приставляя на перевернутую бочку ночник.

— Так партизаны тебе гово... — начал было Еремеев, но настороженно замолк, взглянув на Немкова.

Гость улыбнулся и сказал:

— Правильно, в нашем деле прежде всего — осторожность. Достав порядком помявшийся паспорт, он протянул его Немкову:

— Руководитель подпольной антифашистской организации Волоотовского района Васькин. Прислан Ленинградским обкомом партии.

— Васькин Павел Афанасьевич, русский, рождения 1913 года, — вслух прочитал Немков и добавил: — Полный порядок, только вам надо сменить одежду. Моя, кажется, вам подойдет, а то на вас сухой нитки нет. И он полез из подвала за бельем.

При тусклом мигающем свете ночника Еремеев

рассматривал Васькина настолько позволяла деликатность.

Лицо руководителя было волево, открытое. На широкий лоб падали пряди русских волос, которые от дождя казались черными. Большие серые глаза смотрели на собеседника внимательно и спокойно.

Широкие крутые плечи, казалось, не гармонировали с его ростом. «Нескладно скроен, но крепко шит, — невольно подумал Еремеев. — Такой и в бою не выдаст, и в веселье будет первым. И как он в кромешную ночь сумел мой дом отыскать?..»

Когда он спросил об этом Васькина, тот рассмеялся, показав два ряда ровных красивых зубов.

— Да ведь это очень просто. Какой ваш дом от края по счету, партизаны сообщили, а мне оставалось лишь дома пересчитывать да от немцев хорониться.

Возвратился Немков с ворохом одежды. Быстро переодевшись, Васькин пододвинул чурбан поближе к ночнику и стал говорить:

— Первое, что необходимо сделать, — это создать в Долгинском сельском Совете антифашистскую группу. Примерный список группы я сам передам. Но его необходимо

уточнить. Предупреждаю, что возможны отказы. О каждом таком случае немедленно докладывайте мне. Связь будете держать со мной только через связных. Для этого подберите особенно надежных людей.

— От нас связными будут Тania Ефремова и Миша Васильев, — сказал Немков.

— Девушка мне известна, а кто Миша Васильев? — спросил Васькин.

— Школьник, пионер, сын учительницы Натальи Павловны Васильевой. И за паренька головой ручаюсь.

— Добро, если так. Командиром вашей группы временно будет Иванов. А тебя назначаю его заместителем, — и Васькин взглянул на Немкова.

В это время в пол сверху два раза стукнули,

— Сестра, — тихо сказал Немков, — предупредит, что патруль около дома. И он завернул ночник так, что пламя его едва теплилось.

(Продолжение следует).

Следующий номер газеты «Волотовский колхозник» выйдет 11 ноября.

Редактор В. ЛУКИН.

ВЕЧНО ЖИВЫЕ

Документальная повесть о волотовском подполье

(Прод. Нач. в №134)

Помолчали. Сверху снова стукнули.

— Проехали, — сказал Немков и, скрипнув зубами, добавил: — Жизнь называется в собственном доме любого огня и шума страшись...

— Ничего, — ответил Васькин, — будем делать так, чтобы немцы боялись любого шума и огня, любого дома и куста, дрожали ночью и днем. Для этого и существует наша организация.

Говорили еще долго, уточнили все детали, распределили обязанности. Васькин передал просьбу партизан помочь оружием.

— Трудно, но попробуем достать, — ответил Немков.

— Необходимо достать, даже очень. Ну, кажется, обо всем договорились? — закончил он беседу. — А теперь мне пора уходить.

— Может, все-таки отдохнете с дороги? — сказал Еремеев.

— Нет-нет, мне необходимо сегодня же связаться с партизанами. Да, еще раз напоминаю: будьте осторожны — центр организации будет здесь. До скорого свидания. Действуйте! — Он крепко пожал руки Немкову и Еремееву.

— Ну, каков руководитель? — спросил Еремеев у Немкова, когда дверь за Васькиным закрылась.

— Орел! — коротко ответил Немков.

БОРЬБА НАЧАЛАСЬ

С большими потерями немцы в конце июля 1941 года целиком захватили Волотовский район. Зарябили за деревьями прямые березовые кресты с нахлобученными на них стальными касками. И были эти кресты чужими и лицами на русской земле.

Ошалев от жестоких боев за Новгород и Старую Руссу, немцы радовались короткой передышке и использовали ее, как могли. Растропные интенданты забирала у населения все, что могло пригодиться для солдатского котла и требовательных желудков своих офицеров: скот, птицу, молоко, масло. Солдаты, расположившиеся в Должино,

Павел Афанасьевич Васькин

не стесняясь, заходили в дома жителей и подчищали в хлевах то, что оставалось от интендантов. Попутно они заглядывали и в квартиры, брали приглянувшуюся вещь и, не обращая внимания на хозяев, уходили.

Протестовать было бесполезно и опасно.

Матвеевна — старушка, жившая в соседнем селе, вздумала было пожаловаться на догвоязого солдата, который день назад забрал у нее единственную овцу, и чуть ума не лишилась со страху.

Офицер, подозвав солдата, что-то, смеясь, сказал ему, показывая на Матвеевну. Тот, подойдя к старушке, вынул из ножен кинжал, провел тупой стороной по горлу и произнес:

— Абенд будем приходить и чик-чик старый фруу.

А вечером действительно пришел. И приставив в живот Матвеевны кинжал орал:

— Хайль Гитлер! Айн момент — и старый шваен капут! Ха-ха!

От него несло спиртным. Поломавшись минут десять, гитлеровец ушел, а Матвеевна слегла в постель.

В деревне Рно четверо солдат, затаив в пустой дом девушку, надругались над ней и застрелили.

Люди старались не показываться на улице. Кто был подогадливей, перед приходом немцев отправил свой скот в лес, а добро зарыл в подполе или на огородах. Так можно было спастись от разорения.

Но некоторые в деревне не боялись прихода в дом немцев, ставили им на стол хлеб-соль, бутылку самогона-первача и орал громче немцев «Хайль Гитлер!». Таким в Должино оказался В. Зимин. Добро и скотину не хоронил, но все оста-

лось цело. Перед офицерами лебезил, твердил по-пугаем после каждого их слова:

— Гут! Гут!

...Когда Немков вышел на улицу, то увидел, что, кроме солдат, на ней никого нет. Некоторые из них толпились вокруг полевой кухни, другие чистили одежду, третьи просто сидели на бревнах и лавочках возле домов. У многих рукава были засучены, воротники рубаш расстегнуты. Почти все разговорили неестественно громко, смеялись отрывисто и коротко.

«Любопытно, — подумал Немков, — выглядят, как мясники, а разговаривают точно преступники, боящиеся разоблачения. Видно понюхали, сволочи, почему фунт русского лиха! Подождите, не так еще слиняете!»

Злая улыбка чуть дернула его резко очерченные губы и погасла. Пройдя дом Зимина, откуда слышались громкие выкрики подвыпивших офицеров, он направился к дому Иванова.

Александр Иванович перебрал свою библиотеку и некоторые книги откладывал в сторону.

— Чем занимаетесь? — спросил Немков, пожмая худую тонкую руку Иванова.

— Думаю вот некоторую литературу спрятать, пока немцы не нарвались.

Немков поднял с пола

томик Ленина, бережно стер рукавом с книги тонкую пыль и произнес:

— Я к вам по делу, Александр Иванович.

И он рассказал о ночном посещении Васькина. Передав Иванову все инструкции и список подпольной группы должинского сельского Совета, Немков произнес:

— Партизаны просят помочь оружием. С Большой Землей связь пока не налажена, а вооружены они чем попало.

— Оружие есть, — задумчиво протянул Александр Иванович, — только вот взять его как?

— А где?

— В кладовой Зимина. Туда немцы после последнего боя все винтовки сложили.

— Охраняют?

— Днем нет, а ночью, кажется, охраняют.

— Я эту кладовую знаю. К задам у нее окошечко есть. Взрослому не пролезть, а малец проскользнет...

— Что же ты предлагаешь?

— Взять для операции Мишу Васильева.

— Нет, не годится! — возразил Иванов. — Слишком рискованное дело.

— Другого выхода нет. Оружие необходимо достать.

— Во всяком случае надо посоветоваться с Ниной Павловной. Если получим согласие, то ответственность за операцию возлагаю лично на тебя. Кого еще возьмешь с собой?

— Анну и Таню Ефремову.

— Отлично, только, ради бога, Александр, будьте осторожны.

(Продолжение следует).

ВЕЧНО ЖИВЫЕ

Документальная повесть о вологовском подполье

«Я КЛЯНУСЬ!..»

КОГДА Немков зашел в дом к Васильевым и без обиняков предложил Мише вступить в подпольную антифашистскую организацию, сердце Миши бешено заколотилось, из груди вырвалось с надеждой:

— А примут?

— Примут. Я за тебя поручился.

— Спасибо, дядя Саша, не подведу, сделаю все, что прикажут. Если нужно — жизнь отдам...—горячо заговорил Миша.

Немков улыбнулся и остановил его:—Не торопись, вечером клятву принимать будем. А там посмотрим, на что ты будешь способен.

Когда за Немковым захлопнулась дверь и Миша остался один, он долго не мог успокоиться. Вся жизнь промелькнула у него в голове яркими отрывочными картинками.

Она была хороша, эта жизнь. Миша любил природу. А разве не великолепны были леса, окружающие деревню, не прозрачные воды соседних озер, лежащие в серебристых зеркалах в изумрудной оправе долинских и соловьевских лесов?

И как хорошо было мчаться к этим озерам боком с ватагой друзей-мальчишек по узкой тропинке, змейкой выходящей в густой, выше роста человека, ржи, булатыхнуться в воду и купаться до «гусиной кожи»! А потом можно было лечь на мякучю, как

* (Продолж. См №№ 134, 136)

пух, береговую траву и, закинув руки за голову, слушать как бьет в мшистый податливый берег прибрежная волна и заливается на все лады лесная пичуга. Легкими полупрозрачными парусами плыли над головами мальчишек облака и исчезали за высокими макушками деревьев, маяя Мишу и его друзей куда-то в неизвестные дали.

А какие игры они затевали с ребятами! До хрипоты спорили, играя в городки и лапу. И первым спорщиком и затейником был Миша.

Любил Миша музыку. Он редко расставался со своей звонкой мандолиной. Ее серебряный голос звучал и на школьных утренниках, и на веселых вечерах самодеятельности, когда к голосу его, Мишиной, мандолины присоединялись мягкие звуки гитары Немкова.

Но особенно любил Миша тихими летними вечерами послушать песни деревенских девчат, то нежные и грустные, то огневые, веселые. В такие вечера даже огромная красная луна застревала в сучьях старой ветлы и не хотела покидать деревню, пока звенят в ней такие песни.

И вот все это огнято, растоптано, осквернено. Пришел враг сильный, безжалостный, коварный.

ВЕСЬ торжественный и подтантовый, с красным галстуком на груди, Миша повторял за Александром Ивановичем слова клятвы:

— Вступая в антифашистскую подпольную организацию, я, пионер Миша Васильев, клянусь...

Сколько раз слышал Миша слова торжественного обещания юного пионера, много говорилось в школе о значении пионерского галстука и Красного знамени и всякий раз — выносились ли на линейке алое полотнище знамени, принималось ли обещание юных пионеров — сердце Миши наполнялось какой-то необъяснимой гордостью и чувством восторга от торжественности момента.

Но никогда, никогда не понимал он так глубоко, так ясно, как дороги бываю слова клятвы, сближающей людей в борьбе со смертельным врагом.

Лицо его было бледно, глаза горели. Глядя на стоящих рядом Александра и Анну Немковых, мать Нину Павловну, Татьяну Ефремову, Миша вместе со всеми четко выговаривал слова клятвы.

— Я клянусь быть стойким, дисциплинированным и непоколебимым в борьбе с врагами моей Родины, четко и своевременно выполнять все задачи и приказы командования, тща-

тельно хранить военную тайну.

— Я клянусь храбро и стойко бороться с врагом, не зная страха в борьбе, отдав все свои силы, а если понадобится, и жизнь за дело народа, за дело партии.

— Я клянусь не оставлять товарища в трудную минуту и оказывать ему необходимую помощь и поддержку.

— Во всех своих действиях я буду твердо выполнять указания партии, до конца бороться за освобождение родной советской земли от фашистской нечисти.

— Если нарушу священную клятву подпольщика, то пусть меня постигнет суровая кара. Смерть за смерть, кровь за кровь!

СМЕЛАЯ ОПЕРАЦИЯ

НОЧЬ была лунная. Редкие облака лишь на минуту скрывали диск луны и вновь спешили куда-то на восток.

Немков и Миша осторожно ползли в картофельной ботве к кладовой, где немцы сложили оружие. Сырая от недавнего дождя земля скрадывала малейшие шорохи.

План операции был прост и дерзок. Еще днем, когда немцы пьянствовали, Немков выдал слабодержавшуюся раму кладовой и оставил ее на месте. И теперь раму можно было легко снять. С противоположной стороны кладовой методически вышагивав часовой. Когда он появлялся из-за угла, Немков и Миша видели, как тускло мерцали при лунном свете каска часового и плоский штык его винтовки. Выждав, когда очередная тучка закрыла луну, подпольщики быстро преодолели небольшой открытый участок, очутились у стены кладовой и замерли. Часовой ничего не заметил. Легко приподнявшись, Немков бесшумно снял раму, и в следующее мгновение в темное отверстие окна просунул свою голову Миша. Немков помог ему протиснуться и, присев у стены, стал ждать.

Вскоре из окна опустился ствол винтовки, больно ударив в плечо Немкова. Немков принял винтовку и отложил ее в сторону. Вторая, третья... Время тянулось томительно долго. С противоположной стороны продолжал вышагивать немец: туда—обратно, туда—обратно...

Наконец, показалась голова Миши. Немков помог мальчику вылезти.

Теперь нужно было оружие оттащить от кладовой к бане, которая стояла в конце огорода. Нацепив на руки несколько винтовок и

автоматов, Немков ужом пополз по грядкам картофеля. Миша, тяжело дыша, едва поспевал за ним, так же волоча за собой две винтовки.

У бани их встретила Анна и, забрав тяжелую ношу, понесла оружие дальше к озеру, где ее ожидала Татьяна Ефремова.

Татьяна брала винтовки, автоматы и, пройдя еще дальше, укладывала оружие в тщательно приготовленный тайник.

— Ну как, страшно? — спросил Немков у Миши, когда они потом отдыхали у бани.

— Нет,—шепнул Миша,— только сердце громко стучит.

— Это хорошо, когда сердце стучит громко, — жить, стало быть, долгие будешь. Отдохнул? Тогда поползай.

И они снова исчезли в картофельной ботве.

Несколько раз Немков и Миша благополучно ползли от кладовой к бане, волоча за собой оружие.

Забрав последние четыре винтовки, они уже тронулись в путь, как случилось несчастье. Винтовка в руках Миши задела за камень, и раздался глухой звук. Он прозвучал в ушах Миши, как удар грома.

— Хальт! — раздался крик часового. Лязгнув затвором, немец вышел из-за угла и направился в ту сторону, откуда послышался звук. Миша, боясь своим дыханием выдать присутствие, тщательно укрывал в ботве лицо и руки, белевшие на фоне черной земли. В руках Немкова мелькнула финка.

Часовой, остановившись шагах в десяти от них, вытирал шею и стал напряженно всматриваться. Прошло две—три минуты, которые показались Мише часами. Ничего не обнаружив подозрительного, немец пробормотал какое-то ругательство и повернул обратно.

— Поехали,—весело шепнул Немков и пополз дальше. И от этого слова „поехали“ оцепенение у Миши прошло. Энергично работая локтями и коленками, он полз за Немковым, не чувствовал тяжести винтовки.

Через несколько минут они были уже далеко от деревни и помогали Тане тщательно укрывать мхом тайник.

— Хорошенько запомни это место, Михаил,— сказал Немков,—возможно, тебе и придется передать наш подарок партизанам.

Закончив работу, подпольщики исчезли, словно растворились в темноте. Начную тишину не нарушал ни один посторонний звук.

(Продолжение следует).

ВЕЧНО ЖИВЫЕ

Документальная повесть о волотовском подполье

У НАС СВОИ КОМАНДИРЫ

(Продолж. См №№ 134, 136, 138).

Дней через десять после прихода немцев жители Должино были собраны в центр деревни. Приказано было явиться всем. Здесь стояла легковая машина. Приехало, по-видимому, высокое начальство. Толпа стояла молча и настороженно.

Миша Васильев, заметив Немкова, пробрался к нему.

— Дядя Саша, зачем они нас собрали?—с тревогой спросил Миша.

— Сейчас узнаем, чем „порадуют“,—ответил Немков.

На крыльцо дома поднялись щеголеватый офицер, переводчик, Зимин и немецкий резидент Мановский. Последний был вооружен с ног до головы. На поясе у него висели две гранаты, тяжелый парабеллум, на груди был новенький немецкий автомат.

Офицер глядел на толпу холодными голубоватыми глазами, его тонкие губы были презрительно сжаты. Стеком он небрежно постукивал по зеркало вычищенным сапогам.

— Граждане! — надрываясь, закричал Зимин.—Сейчас их превосходительство немецкий офицер будет речь держать, как и что. Какой у нас порядок будет и как себя вести. Слушайте внимательно!

Офицер заговорил. Сухопарый переводчик внимательно смотрел ему в рот, точно был глухим и старался по движению губ угадать, о чем говорит офицер. Когда тот кончил, переводчик бесстрастным голосом перевел:

— Обер-лейтенант пан Шпицке поздравляет вас с освобождением от коммунизма.

Мертвое молчание было ему ответом.

— Немецкая армия, совершая освободительную миссию,—продолжал переводчик,—успешно продвигается на восток. Скоро наши войска будут в Москве и Ленинграде.

— А дулю не хотите? — сказал Немков тихо, но достаточно, чтобы его услышали в толпе. Кое-кто хихикнул.

— Но великой армии, — возвысил голос переводчик, — нужны продукты, одежда, обувь. Поэтому все вы должны трудиться для победы. У вас наступает новый порядок, где все должны быть на своих местах: крестьяне должны трудиться, староста обязан следить, чтобы все трудились, а не помогали партизанам.

— Старостой будет этот господин,—офицер небрежно ткнул стеком в грудь Зими́на. Тот угодливо поклонился.

— Вы должны вовремя убирать хлеб и сдать его немецкому командованию. Кто будет сопротивляться—растрел. За связь с партизанами — растрел. И наоборот, кто будет сотрудничать с немецким командованием, помогать ловить партизан, мы будем поощрять и ценить таких людей. В деревне все люди обязаны подчиняться старосте.

Окончив речь, Шпицке, не снимая перчаток, протянул руку Зими́ну и, резко дернув ее обратно, поспешил к машине. За ним засеменил Мановский. Бросая косые взгляды на Зими́на, народ стал все так же молча расходиться.

— И мы будем подчиняться этому гаду, дядя Саша?—спросил Миша, когда они возвращались.

— Зачем?—хитро сощурил глаза Немков.—У нас есть свои командиры.

— А кто они?

— Придет время—узнаешь. А пока тебе такой приказ,—серьезно заговорил Немков.—Ты остров Большой знаешь?

— Это на Должинском озере-то?

— Он самый.

— Конечно, знаю. Там еще камыш густой растет.

— После обеда возьмешь удочки и отправиться в лодке на этот остров рыбачить. Там тебя встретит один человек. Он скажет: „Давно ли рыбачишь, рыбак?“ Ты ему ответишь: „С утра потягиваю“. Тогда он шепнет пароль: „Орел“. Это и будет наш командир. Передашь ему донесение от Александра Ивановича и покажешь тайник с оружием. Понял?

— Понял, дядя Саша.

— А если он тебе что передаст, немедленно доставь или мне, или Александру

Ивановичу. В случае опасности записку немедленно уничтожишь.

— Понятно.

— Тогда иди, готовься. Александр Иванович сам к вам придет. Миша что-то вспомнил и снова вернулся.

— Дядя Саша, а я еще две винтовки припрятал. Одну нашел у гумна, а другую Григорий Петрович бросил в кустах, когда из леса домой пришел.

— Какой Григорий Петрович?

— Да учитель наш Савин. Он бросил в кусты винтовку, а я ее и припрятал. Думаю, что пригодится.

Немков, расспросив, где хранятся винтовки, предупредил:

— У нас, брат, дисциплина должна быть военная и самовольничать не надо. Иначе можно провалить всю группу. Ты это учти на будущее. А теперь ступай.

Проводив взглядом хрупкую фигурку мальчика, Немков свернул к дому Иванова.

— Александр Иванович, заговорил он, как только переступил порог и убедился, что дома никого нет, — учителя надо проверить. Савин зачислен в организацию, а я сейчас узнал, что он винтовку бросил, когда из леса пришел. Разве ему не известно, как остро нуждаемся мы в оружии?

—И проверять нечего,—ответил взволнованно Иванов,—он вчера вместе с полицаями дежурил на краю деревни.

Александр Иванович снял очки, протер их платком, посмотрел своими близорукими глазами на Немкова и продолжал:

— И в руках у него винтовка была. Только немецкая. Вот так!

— Сволочь! — прошептал Немков.

— Сообщу об этом Васькину. Пусть партизаны накажут изменника. Народ должен знать, что предатели от справедливой кары не уйдут. Кого посылаешь на остров?

— Мишу.

— Правильно. Днем на мальчишку, идущего на рыбалку, мало кто обратит внимание. А донесение я в старый ружейный патрон запрятал. Наденет мальчонка на удочку вместо ручки, и будет полный порядок.

(Продолжение следует).

ВЕЧНО ЖИВЫЕ

Документальная повесть о вологовском подполье

(Продолж. См №№ 134, 136, 138, 143.)

ВСТРЕЧА НА ОЗЕРЕ

Миша удил рыбу уже около часа. Однако никто к нему пока не подходил. И когда совершенно неожиданно раздался мягкий голос: «Давно рыбачишь, рыбак?», — Миша вздрогнул, удочка в руке качнулась, от пошлавка побегали по воде мелкие круги.

— С утра потягиваю. — Оглянувшись, Миша увидел человека, который пробирался сквозь камыши к лодке. Одет он был очень просто: на вышивашку косоворотку был накинута серая куртка. Такие же серые брюки были заправлены в добротные армейские сапоги. Подойдя поближе, незнакомец произнес пароль и, протянув руку, сказал улыбаясь:

— Давай, Миша, знакомиться. Я Васькин.

— Васильев, — механически пробормотал Миша, чувствуя, что Васькину известна его фамилия.

— Ну, что ж, дружок, принес мне?

Миша, торопливо вытаскивая патрон, который был надет на удочку вместо рукоятки, вынул из него записку Александра Ивановича и протянул Васькину. Тот прочел, нахмурился.

— Значит, у вас немцы «новый» порядок навводят?

— Да, и старосту поставили, и полицаяев навверовали.

Миша торопливо начал рассказывать, как немцы грабят население, как заставляют сдавать продукты, одежду.

— Нас с мамой вывели на улицу, а в нашем доме сейчас офицеры живут.

— А вы где же устроились?

— Мы живем сейчас у соседа Петра Трифонова. А еще немцы говорят, что Ленинград и Москву взяли и Красная Армия разбита.

— Ну, о Москву немцы еще зубы поломают, а Красная Армия жива и здорова. И бьет немцев и в хвост и в гриву.

Васькин чувствовал, как необходимы мальчику эти простые слова правды. Миша весь встрепенулся, начал подробно расспрашивать, где Красная Армия, как защищаются Ленинград и Москва.

И Васькин не скупился на подробности, видя, что его слова, как целебный бальзам, действуют и на Мишу. Глаза маленького подпольщика горели возбужденным огнем, он боялся пропустить хоть одно слово из уст Васькина.

— Ты в каком классе должен учиться? — неожиданно переменял тему разговора Васькин.

— В седьмом.

— А я в твои годы и не нохал школы: сперва у кулака батрачил в пастухах четыре года, потом после революции воспитанником был воинской части, учился уже взрослым в рабфаке — было такое учебное заведение в двадцатых годах. Одно время, как и твоя мама, был учителем. Преподавал историю и географию. Любишь эти предметы?

— Люблю. И еще мне биология нравится.

— И мне тоже нравится, — серьезно сказал Васькин. — Только у меня педагогической подготовки было все-таки мало, а вы ведь народ любознательный. — Васькин улыбнулся и продолжал: — Поэтому я перед самой войной ушел из учителей и стал работать инспектором райсберкасы. И эта работа не плохая. А теперь враги многих заставили взяться за оружие. Вот мы и будем все вместе их бить так, чтобы земля горела под ногами фашистов.

А такие, как Зимин и полицай, — это бывшие кулаки и подкулачники. С ними тоже народ справится в свое время и потребует суровый ответ за предательство.

— Ну, мы, кажется, разболтались, а тебе пора уже возвращаться.

Миша показал Васькину тайник с оружием.

— За оружие передай

своим большое спасибо, а тебе моя личная благодарность. Васькин пожал Мише руку.

— Александру Ивановичу передай это.

Васькин вынул из карманов две пачки листовок и протянул Мише.

— Пусть подпольщики распространяют их среди населения.

Миша засунул листовки под рубаху, перетянул потуже поясом, бросил кулан с рыбешкой в лодку и, оттолкнувшись от берега, поплыл в сторону Должино.

Когда Миша уже подходил к дому, его остановил немецкий ефрейтор.

— Куда ты пошел? — За рыбой, куда же еще?

— О, рыбой! — ефрейтор подошел к Мише и стал смотреть на его руку.

«Что ему надо, рыжему черту?» — с тревогой думал Миша.

— На, бите, — протянул он ефрейтору кулан с рыбой.

— Данке, данке, — лицо ефрейтора расплылось в улыбку. Он взял рыбу и повернувшись зашагал прочь.

— Чтоб тебе ей подавиться, — думал Миша, входя в дом.

Через несколько минут из дома вышла Нина Павловна и, держа в руках кринку, пошла к Немковым, у которых она часто брала молоко. (Продолжение следует.)

ВЕЧНО ЖИВЫЕ

Документальная повесть о волотовском подполье

(Продолж. См. №№ 134, 136, 138, 143, 145.)

ОПЕРАТИВНОЕ
СОВЕЩАНИЕ

Александр Иванович слегка волновался. В присланной Васькиным записке сообщалось, что в доме Немкова должно состояться совещание руководителей подпольных групп. Иванову поручалось обеспечить явку подпольщиков и безопасность этого совещания.

Некоторые из руководителей уже прибыли и сидели, переговариваясь о своих делах, в комнате. Окна в ней были тщательно завешаны.

Анна Немкова, Тая Ефремова и сестра Иванова—Анна Ивановна—хлопотали на кухне над немудрыми ужинами.

Уже под вечер пришли Осип Боголюбов и Михаил Тихов—руководители групп Селедского и Верхнеохотского сельских Советов.

— Я думал, с вами что-нибудь случилось,—встретил их Александр Иванович.

— Да ничего особенного,—ответил, добродушно усмекаясь, Боголюбов,—просто пришлось сделать круг, чтобы не нарваться на немецкие патрули.

Последним явился Павел Афанасьевич Васькин в сопровождении двух незнакомых товарищей.

— Знакомьтесь,—представил их Васькин.

— Елизар Холмов—руководитель Глухогооруской подпольной группы Дновского района.

— Павел Рувимов из того же района.

Это вызвало всеобщее оживление.

— Ого!—заметил кто-то.—Наша организация уже перешагнула Волотовский район.

— Как видите,—улыбаясь, говорил Рувимов, подавая каждому свою большую загрузившую ладонь.

— Все собрались, Александр Иванович?—обратился Васькин к Иванову.

— Вроде бы.

— Почему Немкова не вижу?

— В охране стоит.

— Добро, тогда, пожалуй, начнем.

Васькин поднялся из-за стола и заговорил:

— Товарищи! Наша подпольная антифашистская организация основной своей задачей должна считать следующее: правдиво информировать население о положении на фронте, о трудовых успехах советского тыла и героической борьбе Красной Армии с немецкими фашистами.

В тылу у немцев развер-

нулось партизанское движение. Необходимо и об этом рассказывать нашим гражданам, пропагандировать успехи партизан, агитировать людей, чтобы они оказывали необходимую поддержку и помощь народным мстителям оружием, одеждой и продовольствием.

Сейчас, как вы сами сообщаете, немцы отбирают у населения продукты и одежду, организуют заготовительные пункты для своих солдат. Нужно сделать все возможное, чтобы сорвать немцам эту заготовку. Пусть население пречет хлеб, уводит в леса скот, саботирует заготовку любых сельскохозяйственных продуктов.

Каждая группа должна иметь базу для снабжения партизан. Сами понимаете, товарищи, что в лесу ни хлеба, ни одежды нет, а скоро наступит зима. Поэтому наш долг—помочь партизанам.

— У меня в подвале тонны две гороха засыпано на семена. Немцы приказали хоронить до весны. Может, пригодится партизанам?—прервал Васькина Боголюбов.

— Очень хорошо, Осип Васильевич, на днях этот горох у вас заберем.

— Одежду и обувь население даст. Да и с продовольствием всем миром поможем,—сказала Надежда Ивановна Козниина—представительница Городецкой группы.

— Я тоже так думаю. Население сейчас против немцев озлоблено и люди с удовольствием помогут партизанам.

Кроме того, командование Красной Армии интересуется сведениями военного характера. Инструкции об этом вы уже получили. Я хочу только предупредить о том, чтобы эти сведения были точными. Грош цена им будет, если мы передадим командованию отсбывающую. Поэтому прошу командиров групп нести личную ответственность за достоверность фактов.

О том, какое значение имеют точные сведения военного характера, вам расскажет тов. Холмов.

— Прощу, Елизар Афанасьевич,—пригласил Васькин Холмова.

— На станции Дно,—начал Холмов чистым баритоном,—немцев порядочно. А в бывшем магазине «Спайка» они устроили казарму, где находилось человек триста солдат и офицеров. Через Павла Афанасьевича мы передали об этом нашим. Дня через три прилетели самолеты, повесили на парашютах фонари

и начали бомбить. «Спайка» была разнесена вдребезги, а немцы дня три водили из-под обломков своих убитых солдат.

ТАТЬЯНА, освободившись от хлопот на кухне, потигоньку прошла в комнату, где сидели подпольщики и, усевшись на край стоявшего около двери сундука, слушала Васькина, Хомова, других своих товарищей, и странные чувства теснились в груди у девушки. Многих из присутствующих она знала давно. Вот сидит в углу Надежда Ивановна Козниина. Подперев щеку руками, она, чуть прищурившись, внимательно слушает очередного оратора, как будто взвешивает каждое его слово, чтобы в конце подвести итог, поставить оценку его выступлению.

Что значит привычка учителя! Надежда Ивановна учительствовала второй десяток лет в Городецкой неполной средней школе, когда неожиданно ворвалась в размеренную, четкую жизнь советских людей война, заставившая заново пересмотреть всю свою жизнь, свои поступки и поступки многих людей. Война, как на острие бритвы, проверила моральные и физические качества людей. И могла ли остаться в стороне пожилая учительница от той тяжелой борьбы, которую вела ее страна со своим смертельным врагом? Нет, конечно.

В списках городецких подпольщиков Козниина значилась первой. Она стала связной этой группы и сегодня присутствовала вместе с ружейными группами Васильева, Федоричем Федоровым.

— Как же далека мирная профессия Надежды Ивановны от ее нынешнего опасного занятия!

Хорошо знала Татьяна и Еремеева Василия Федоровича, который сидит напротив. Он работал до войны бухгалтером Славянского сельпо. Кто знал, что этот скромный и незаметный человек будет членом боевой группы, грозой и карающим мечом предателей и изменников?

А рядом с Таней на сундуке сидел Михаил Алексеевич Алексеев. Вчера бригадир колхоза, а сейчас—активный подпольщик. Его Васькин хвалит: Михаил Алексеевич действует дерзко, но осторожно. Видимо, сказался опыт дореволюционного подполья. Сейчас он сидит молча и слушает, изредка вскидывая на горящего свои изумительной голубизны глаза.

Да и сама она, Тая, хо-

хстнула и самая разбитная девочка из всех девчат Должино, думала ли, что придется ей в жизни бросить своих учеников, школу, увидеть жигого фашиста, вступить в смертельную схватку с врагом?

Наверное, не думают фашисты, какая сила поднялась против них,—мелькает в голове Тани,—как это у Толстого говорится: «поднялась мощная дубина народной войны и начала гвоздить...»

От этих мыслей ее оторвал голос Васькина:

— Пока все, товарищи. Наша организация связана со второй партизанской бригадой. Комбриг Васильев в случае необходимости обещает помочь подпольщикам. Связь с партизанами будете держать через меня. Для согласованности действия нам необходимо избрать подпольный организационный совет. У кого будут предложения?

После тщательного обсуждения в организационный совет Волотовской подпольной организации были избраны Павел Афанасьевич Васькин, Александр Иванович Иванов, Александр Иванович Немков, Надежда Ивановна Козниина. Всего в совет вошло семь человек.

— Теперь немцы почувствуют силу нашей организации,—подвел итог Васькин.

Женщины, узнав, что совещание окончилось, внесли в комнату самовар. Боголюбов, подхватив из рук женщины сердито фырчащий самовар, поставил его на стол и произнес:

— Всех вождюлебов прошу к столу!

Подпольщики с шутками и смехом стали рассаживаться вокруг стола. Тая помогла Аннам поставить стаканы, принесла жареную рыбу и гору свежеспеченных лепешек, а когда на столе появился сахар, ставший большой редкостью, подпольщики приветствовали его появление веселым гулом.

— Да у нас пир горой!—сказал, улыбнувшись, Васькин.

— Разве это пир?—с грустью сказала Анна Немкова.—Вот до войны если бы вы к нам в гости приехали, можно было бы пир устроить.

— Ничего,—сразу посерьезнел Васькин,—ничего, дорогая Анна Ивановна. Будет еще и на нашей улице праздник, обязательно будет.

Гостеприимный дом Немковых подпольщики по одному покидали уже за полночь. Утром в доме ничто не напоминало о ночном совещании.

(Продолжение следует.)